

Аксенов В.П.

3.7.92

ИЗВЕСТИЯ

1992. Зима. с. 7

Юрий СОКОЛОВ, «Известия»

Наш корреспондент в Париже Юрий Коваленко взял у Василия Павловича Аксенова по пути из Вашингтона в Москву интервью, которое «Известия» напечатали в № 139.

Но нам показалось, что этого мало, и мы эстафетным порядком приняли писателя в Москве и пригласили в редакцию. Кто-то может это назвать брифингом, кто-то перекрестным допросом... А если по-простому, то по принципу «хорошо сидим». Мы не раз практиковали эту популярную в народе форму общения и вошли во вкус таких свободных сигаретных посиделок.

В 1980 году Василия Павловича «ухали» из страны с волчим билетом. Сейчас у него постоянный звездный билет в Москву и желание пообщаться легко осуществимо.

— Удается ли вам в звездоподсатом Вашингтоне читать отечественную прессу? — был задан первый вопрос.

— Удается, читаю. Но доставляют крайне нерегулярно. То долгое время ничего, то сразу много...

— Вообще, если сравнивать западную печать со всей сегодняшней русской прессой, то

русская пресса, может быть, самая свободная, а может, и самая разногласная в мире... То есть западная печать тоже, конечно, свободная, но имеет определенные рамки или, если хотите, какой-то консерватизм, которого придерживается годами...

— И «Вашингтон пост», и «Нью-Йорк таймс» не любят выходить за свои рамки. Помню, когда я приехал туда в 1980 году, то заметил, что

«Лос-Анджелес таймс» называет Ленина — Николай...

— Какого черта, — спрашивала у знакомого журналиста, — называет нашего Ленина Николаем? Он же Владимир!.. Тот мне отвечает: «Мы знаем. Но «Лос-Анджелес таймс» называет его Николай!»

Они когда-то, пятьдесят лет назад, называли его Николай и с тех пор так и называют, хоть разбейся!.. Потом кто-то у них напечатал пояснение, что кличкой «Николай» он когда-то подписывался, для конспирации, а настоящее его имя — Влади-

мир Ульянович Ленин.

— Возвращаясь от усоников

лидеров к живым еще газетам, — сказал Николай Боднарук, — считаете ли вы, что для ваших

газет тоже нужны рамки?

— Они будут вырабатывать-

ся. И будут рамки, но другого

характера — не цензурные, а

рамки вкуса, рамки стиля. А

старые цензурные традиции

сломаны, я надеюсь... Время-то

революционное...

— Я хотел бы зацепиться за

последнее словосочетание, — революционное время, — зацепился Владимир Надеин. — Революционное время чаще всего было связано с каким-то всплеском литературы, искусства... И главным образом, новых жанров.

Такое ощущение, что лопались почки, и то, что зрело, что было на вторых, на третьих ролях — становилось господствующим. Нет ли сейчас ощущения, что наше сегодняшнее, революционное время не связано с новым всплеском литературы и искусства? И вообще, возможны ли перерывы в культурном процессе, пока не наладится рынок, пока не появится колбаса как символ благосостояния?

— Во-первых, я должен вам

вразбрить, Володя, я не совсем

согласен, что революция вызвала бурный расцвет в литературе и искусстве. Революция в ис-

кусстве вызвала этот расцвет, но не революция в обществе. Эти явления просто хронологически близки: революция в ис-

кусстве, начатая еще в серебряном веке, совпала с революцией в обществе, но сама по себе социальная революция не привнесла добра. И то, что мы говорим о 20-х годах, как о периоде расцвета, — это неверно. Это был период умирания серебряного века... Еще были, жилы остатки серебряного века, остатки авангарда, возникшего в недрах либерального общества, которое сложилось в России постепенно после отмены крепостного права... В общем, если говорить об искусстве 20-х годов, что оно было не благодаря революции, а вопреки ей... Писатель, вообще-то, врун, выдумщик. Нельзя точно воссоздать именно то время, о котором он пишет. Андрей Битов очень точно сказал, что литература XIX века подменила сам XIX век. Он был не таким, каким его сделала в наших глазах литература... А сейчас, если говорить о нашем времени, то я с вами согласен — действительно возникла какая-то блокировка литературного процесса. Может, даже и вообще в искусстве. Ибо процесс отрицания всего привел нас к какому-то тупику... Похоронили сначала соцреализм, потом похоронили шестидесятников заживо... Теперь говорят, что вообще русская интеллигенция мертвата. То есть идет такой негативный процесс, и мы теперь имеем стоящую картину неверно понятой концепции постмодернизма... Такой постмодернизм по-жирателей дермы. Считается, что ты не постмодернист, если не начнешь свое сочинение с описания каких-то клоак... Это мода. Это довольно естественный результат общего распада, на мой взгляд. Трудно было ожидать, что послет 75 лет называемая форм, вкусов и жанров возникнет вдруг Ренессанс...

Как это ни огорчительно, но

пришлось согласиться, что со спонтанным возникновением Ренессанса на обломках тоталитаризма придется повременеть. Рассуждения о том, что поэт в России больше, чем поэт, и как

илюстрация — разгон в свое

время писательской группы «Ме-

тромец», русским богатырем с дубиной. А он, между прочим, за эти годы, оставаясь, конечно, отгромной литературной фигурой, стал еще и вермонтским джентльменом... Играет теннис, может быть, и в гольф?

И, как умный человек, он, безусловно, понимает, что должность государственного пророка ему не к лицу...

— Разрешите еще один нескромный вопрос? Вы были популярное ТАМ, когда вы были ЗДЕСЬ? Или?

— Вы знаете, я был популярнее там в 60-е годы, после «Звездного билета»... Это был такой бестселлер, который издали в 27 странах... Правда, по существующим тогда законам, денег я за это не получал. Но имя возникло и держалось. А в 70-е годы, когда я ничего практически не мог напечатать, имя стало забываться. И, приехав в США, я был неприятно удивлен, как мало я известен. И начал делать себе писательскую репутацию почти с нуля. А это очень не просто, знаете ли... Сейчас у меня, видимо, нет очень широкого читателя там, в Америке, но ли-

так извините, уж так получилось... Но у нас все самое лучшее!

— Да, очень похоже!

Поскольку многие из собеседников были в Америке в командировках, а Надеин просто два года был собкором в Вашингтоне, то в беседе еле уловимо, во прослушивались постальгические оттенки: у журналистов во Америке, у Аксенова — по России...

— Вы недолго, Василий Надеин?

— Примерно до 25 августа. Каникулы в университете кончатся.

— Ах, каникулы!.. А мы думали, вы хотите поприсутствовать, посмотреть, как пройдет нынешний август...

— Кстати, я побывал в Останкино на этом съезде...

— Вас узнавали?

— Однажды приглядывался, очень настороженно... То ли узнал, то ли почувствовал чужого по духу...

— Что вы ощущали?

— Ну, если я скажу, что отвращение, то это естественно. Понимаете, там слишком много клиники. И жалко их очень, и какой-то признак вырождения виден в их лицах... Очень сильный заряд ненависти там присутствовал. И накопление такого заряда может образовать разрушительную шаровую молнию, если вовремя не заземить этот негативный потенциал.

Конечно, возникают параллели с первым летом русской демократии 17-го года, уничтоженной красной сотней. А сейчас и красная, и черная сотня вместе... Это просто поражает, такое единение.

— Но могут ли они предложить альтернативу обществу, могут ли вообще предложить что-либо конструктивное?

— Ничего, кроме казармы. Казармы, еще более жесткой, чем была при Сталине... Они могут загнать всех в эту казарму и восстановить систему выдавливания вместо системы рынка... И все! Развитие остановлено.

Вот я был в Останкино и был в Столешниковом переулке. Это альтернатива. При всем безобразии Столешникова рынка он представляет собой базар. Базар всегда альтернатива казарме!..

Собственно, ничего ориентированного в Столешниковом базаре нет. В 1990 году я облезли пять стран Восточной Европы и видел точно такие же Александрии, на Аллеях Европы, в Будапеште, на границе Югославии... И точно такие же люди сидели, и точно этим же торговали...

И в то же время, где это у нас такое было мыслимо, чтобы человеку в одном переулке могли предложить все — от зубной пасты до автомобильных запчастей... Обувь, одежда, парфюмерия, еда, утюги, видеотехника... Даже фальшивые куклы «Барби» турецкого происхождения... Это неслыханное раскрытие.

А с другой стороны требование немедленного заключения. Вот кто в данном случае больше патриот: базарный люд или те?

В самой фразеологии вопроса прочитывалось мнение Аксенова. «Базарный люд» — торговый народ, купцы, коробейники, разносчики, оферты...

«Те» — безликие лица непостижимые.

— А какую реакцию вызывают и «те», и «эти», и вообще все, что с нами произошло в американских академических кругах? — спросил Василий Захарько.

— Шок! Весь этот распад поверг многих моих знакомых в академических сферах в шоковое состояние. Они говорили: «Как же так! Вся наша научная жизнь, все общественно-политические труды — все провалились!» Оправдание марксизма, которое произошло в России, вызвало у них катастрофическое сознание. Ведь когда-то они, их предки, бежали из Европы от погромов и привезли с собой марксизм, и верили в его непогрешимость, хотя сами жили по иным политическим и экономическим реалиям... И вот теперь все рухнуло! Они пытаются доказать, что крушение марксизма в России еще ничего не означает... Очень многие вообще отказываются оценить русский опыт, в то время, как главный вклад России в мировую цивилизацию — это ее негативный опыт. Это же потрясающий опыт. Академия комшаров!..

— Вы не хотите купить немного нашей негативной земли?

— Я хотел. Но, оказывается, не имею права.

Вот оно, мелькнуло это прекрасное слово — право. Иметь право, не иметь права, лишить права... Наконец, наше всеподобное «Да какое вы имеете право!»

Никакого. Большой русский писатель Василий Аксенов, оказывается, не имеет права купить несколько соток родного глинозема — иностранец...

Сколько их — родных иностранцев?.. Их патриотизм прост и чист, как «доброе утро» — он представляет там российскую культуру на любом языке, любыми красками и музыкальными инструментами...

А что до глинозема, Василий Павлович, — на него! «Не обращайте внимания, маэстро, не убирайте ладони со лба».

Фото Ю. Инякина.

ЗВЕЗДНЫЙ БИЛЕТ

В ОБА КОНЦА

полковник Карпович из КГБ и ку-
тор из Союза писателей — неко-
то Зубков, тоже не без звания...

Мой личный идеологический вра-

— Домашний...

— Да. Только являлся не по
вызову, а, так сказать, по зову
сердца. И, естественно, щита и
мечи... Они очень убедительно
меня вразменили от «Ожога».

Дескать, если я его опубликую
там, то меня здесь обожгут ос-
нователи... «У нас», — гово-
рит, — есть сведения, что наши
коллеги из ЦРУ хотят раздуть
этот «Ожог» и сделают из вас
сторонника...

Хотя что там такого кри-
тического было в «Ожоге», я до
сих пор не могу понять...

— Интересно, кто лучше раз-
бирается в литературе: наш КГБ
или их ЦРУ?

— Ну, естественно, КГБ! Они
улавливают все намеки и юими-
сы. Даже те, о которых я сам
не подозревал... А что ЦРУ? Ни-
чего мне никогда не говорили,

даже обидно... Нет, наши просто

филологи!

Обижает! Поскольку наши ус-
пешно сопутствовали и во всех

прочих сферах деятельности, то
вполне лгут и на энциклопеди-
стов.

— Василий Павлович, позвольте
векорректный вопрос... Могли бы
мы порассуждать о возмож-
ности, пусть теоретической, что
Александр Исаевич Солженицын

или другой писатель его масштаба,

приехав сюда, включился бы

в политическую борьбу и согла-
сился с определенной ангажи-
рованностью тем или иным, а скро-
венно всем, правительственный
направлением? Или он разочарует
без исключения всех? — спро-
сил Надеин.

— И прежде всего самого се-
бе. Я боюсь, что его может по-
стичь большое разочарование
здесь... Общество сейчас более

подвержено колебаниям нью-
йоркской биржи, нежели идеям

писателей... И когда Солженицын

после столь долгого отсутствия

увидит страну сегодня и задер-
жится на бараходке в Столешни-
ковом, а не проследует прямиком

в Ясную Поляну и там не запре-
тится, то у него могут возникнуть

очень серьезные моменты в

творческом мире... Многие из

числа квазипатриотов вообра-
жают его каким-то Ильей Му-

тературную репутацию я восста-
новил.

— А как вы вообще впиши-
лись в американское общество?

— Я вошел в некоторые сфе-
ры американского общества. Как

ни странно